

Рукощупы в мармеладе

Прошло не столь уж много времени с тех пор, как зародилось это удивительное, во многом пагубное увлечение в среде золотой молодёжи крупных городов - заказывать себе на ужин странное блюдо под названием “Рукощупы в мармеладе”, пытаюсь всё-таки отыскать ответ на всех уже давно мучающий вопрос, из чего же блюдо сие готовят, и каким способом добывают ингредиенты для его приготовления. На многообразных интернет-форумах на эту тему разгорались жаркие дебаты, где новоявленные гуру-гурманы описывали свои варианты рецептов для приготовления рукощупов, однако ни один из этих ухищрений изошрённого - а местами даже извращённого - кулинарного ума на поверку не выдерживал и малейшей критики при сравнении получающегося блюда с оригиналом, хотя от рецептурного разнообразия разбегались глаза, а мысли не поспевали за интуицией, повесивший в воздухе главный вопрос: кто же из кулинаров-экспериментаторов всё-таки прав?

Одни предполагали, что в состав рукощупов входят молодые побеги сельдерея под чесночно-маракуйевым соусом с примесью мяса креветки, выдержанном в яблочном уксусе, с мякотью гуавы и авокадо в хрене, тогда как другие предлагали свои варианты с добавлением проперчённого йогурта, перебродившего сладкого кваса, призадумавшихся кальмаров, а также минтая второй свежести под соевым или даже рыбным соусами с добавлением васаби вместо хрена и имбирём вместо сельдерея.

И все же те бедолаги, которых чёрт дёрнул самостоятельно воспользоваться приведенными в Интернете рецептами рукощупов, всегда с долей некоторого сожаления от получившегося результата обнаруживали, что вкус приготовленных ими блюда не идёт ни в какое сравнение с изысками вкусового букета настоящих рукощупов в мармеладе, подаваемых в одном-лишь единственном ранее малоизвестном ресторанчике, который и поднялся-то разве что из-за зашкаливающей популярности своего таинственного коронного блюда. Да и исходя из приводимых в открытых источниках рецептов действительно оставалось загадкой за семью печатями, причём здесь, собственно, мармелад, тогда как в настоящем блюде он действительно и недвусмысленно присутствовал, хоть и какой-то чуточку странноватый во всех смыслах.

Товароведы на службе у Организации Здравоохранения всеми своими исполнительными органами пытались вытребовать рецепт

модного и сверхпопулярного блюда, интересуясь данным вопросом ничуть не меньше остальных, а особенно обращая внимание на необходимость проверки безопасности кулинарного изделия. Владелец ресторана ответил тогда на их не предполагающее никаких неоднозначных трактовок ультимативное письмо своим другим письмом, весь смысл которого заключался всего в двух словах, словно бы скользивших постоянно через сухое и важное многословие официально-делового стиля переписки, а именно: “Секрет фирмы”.

На самом письме вместе с юридически зарегистрированной печатью ресторана стояла маленькая пентаграммка с общепринятой символикой рукощупов, уже породившей к тому времени многочисленные вариации в виде десятков используемых в соцсетях, месенджерах и даже воір-клиентах смайлов - как с щупиками, но без мармелада, так и наоборот. В комитете здравоохранения предположили, конечно, что пентаграммка в письме имеет, наверное, какое-то делопроизводственное значение, однако, какое именно, понять так и не смогли. А посещаемость маленького, никогда и никому ранее почти не известного ресторанчика продолжала со временем всё лишь возрастать да возрастать.

Я решил в то время тоже поужинать хитом сезона среди гурманов, как это было популярно делать, разгадывая, как паззл, рецепт рукощупов, в то же время расслабленно, незатейливо и как бы мимоходом потягивая тёмный английский эль из большой деревянной кружки, больше похожей на маленький промасленный морской бочонок, одновременно задумчиво ковыряя вилкой в только что принесённых мне рукощупах в мармеладе. Насколько я мог судить, практически весь окружавший меня контингент, за исключением разве что нескольких случайно заезжих туристов, поедал то же самое блюдо. Эх, а для чего же сюда ещё приходят, как ни за новым брендом если и не сего мира, то, по крайней мере, сего заведения? “Трустно”, - подумал я. - “Похоже, что это уже становится мейнстримом”, - мои мысли словно бы превращали откуда-то возникавшие у меня в голове образы в складную мозаику логически взаимосвязанных картин. При этом возникала иллюзия, словно мысли эти звучали бодро-праздничным голосом диктора-агитатора откуда-то из-за стены.

“Стоп, а если этот голос действительно прозвучал? Или это я просто уже не замечаю, как вслух разговариваю сам с собой?” - у меня пушистые мурашки пробежали по коже мягкой поступью, точно бы по персидскому ковру ступала, едва касаясь поверхности мягкой когтистой лапкой, её Величество госпожа Паранойя, продвигаясь приставным

шагом неторопливо в моём направлении, сладко урча и поблескивая зеленоватыми звёздочками газ ночного зрения.

- Расслабься, парень, остынь. Всё в порядке. - кто-то положил мне руку на плечо. Я резко обернулся. За мной стоял странный человек среднего роста, слегка патлатый и подлысоватый одновременно, небритый и в майке, облика внешнего, надобно отметить, совершенно не ресторанного. Его потрепанный длиннополый плащ цвета хаки развевался где-то в районе ног потёртой тряпицей ещё не полностью урбанизированной уборщицы, производя самое жалкое впечатление из тех, которые он только способен был произвести. Хотя его этот факт нисколько, похоже, не беспокоил. Человек носил вышедшие из моды лет сорок назад серо-зеленые брюки военного образца, длинные сапоги на стертых в пыль подошвах и, если уж судить в целом, то он производил впечатление то ли убежденного борца за абсолютно никому неизвестные и ненужные идеи, либо просто маргинала, вышедшего из среды интеллигенции. Я даже подумал, что, вероятно, именно так выглядел бы сейчас Че Гевара, если бы до сих пор жив ещё был жив.

Но самыми странными, необычайными и пугающими были в человеке его глаза: глубоко посаженные, окаймлённые вековыми синяками от почечной недостаточности, они своей непроглядной неопределенной целеустремленностью по-ночному чернильно-студенистой темноты больше походили на глаза какой-то мудрой хищной птицы или хотя бы уставшего от жизни в постоянном перенапряжении разведчика, чей долгий - или не очень, это уж как повезёт - отведенный ему срок существования на нашей Земле уже близился к закономерному завершающему этапу.

- Позвольте представиться. - потрепанного вида человек протянул теплую и шероховатую, но крайней бледноты ладонь руки, в которой еще чувствовались отголоска биения цвета жизни. - Я - Эрнесто Митрович Эдельвейсо, охотник. Ведь что они говорят, что творят? Ты хоть понимаешь, чем черевато всё это безумие, всё это увлечение рукашупами? Нет? А я понимаю! - Эрнесто Эдельвейсо производил впечатление человека не вполне здравого рассудка. - Вот эти, эти. - он совершенно бесцеремонно ткнул пальцем в сторону двух гламурных, похожих на молодых и пафосных европейских содомитов, клубных мальчиков в серебристо-блестящих рубашках. - Два дивно выпендрёжные чуда-юда, одно из которых без умолку болтает по своему яблофону очередной модели, а вон тот хлопец так и вовсе изрядно подвыпивший. - сказал Эрнесто, указав на бледного студента мятого вида, остекленело глазающего куда-то в сторону висящего под

потолком дисплея, демонстративно изливающего на посетителей тошнотворное карамельно-слащавое содержимое евродэнс-клипов и прямо-таки вторящее им во всех чертах и чёточках клубное музыкальное сопровождение, лишённое даже намёков на фантазию или разнообразие.

- Вы здесь, пожалуй, единственный кто производит впечатление человека, умеющего одновременно вмещать в черепную коробку до нескольких мыслей, а не только свободолюбивый простор ветреной пустоты, как у наших соседей по столикам. Были бы Вы так любезны объяснить мне, что вообще происходит? Лично я не вижу здесь никакой проблемы по поводу рукощупов, разве что одни загадки. - спросил я Эрнесто, подумав, что по тому как он только что охарактеризовал указанные им при помощи кряжистого пальца типажи личностей, по этому экзотичному в своей велеречивости охотнику плачет сам великий и ужасный Кашенко, прямо-таки обливаясь крокодильими слезами.

- Знали бы каждый из этих людей, что охотники моего типа способны не только умерщвлять, но и воскрешать. Нам с тобой предстоит охота на вредителей, мы будем истреблять браконьеров глубин!

“Глубин?” - я удивленно подумал, приподняв брови, спросив у охотника вслух: “А мы что, разве готовимся к охоте, чтобы найти браконьеров в то время, когда все здесь интересуются происхождением фирменного блюда сего распрекрасного заведения?”

- Да что тебе объяснять-то вообще, вот сам всё и увидишь, услышишь и почувствуешь. - мой собеседник махнул рукой. Этот его жест сопровождался в немалой степени загадочным выражением лица. На миг мне показалось что вокруг рук Эрнесто колышались, точно бы атласный красный бархат в пламенеющих всполохах и отлетающих искрах костра, язычки из горячего воздуха, а все лампы в виде старинных свечей на стенах расступились позади него и обволакивают тело Эдельвейсо таким образом, что он оказывается обёрнут в объятиях стен, как в тугом обтягивающем плаще.

Эта иллюзия, а быть может, и действительное восприятие длилась всего лишь короткие секунды, затем охотник посмотрел на меня своими непроницаемыми и глубоко посаженными чёрными икринками глаз, и тотчас же возникло странное ощущение, будто бы я проваливаюсь, откопировавшись или просто разделившись пополам в два глубоких, практически бездонных туннеля, в конце каждого из которых мерцало отблесками некое трудновыразимое таинственного свойства пространство без чётко очерченных границ. Он тогда взял меня за рукав

и мягко попросил: “Пойдем со мной, мне нужна твоя помощь.”

Я, точно тряпичная кукла, побрел за Эрнесто, не имея ни сил ни воли, и сама же странное, что было в происходящей вокруг ситуации, кроме самой ситуации, так это полнейшее отсутствие желания сопротивляться воле чудаковатого человека, куда-то и зачем-то меня ведущего, вроде как поохотиться на браконьеров, что следовало из его смутно-сумбурного предыдущего объяснения. В ушах моих гудело, горло пересохло, а всё тело ныло, саднило и покалывало, когда мы вышли на улицу и прошли несколько домов.

Зайдя в очередном доме - шестом или седьмом, я точно не считал - куда-то в подвал и сев на кресло явно футуристического вида в ровным счётом такого же свойства обстановке, мы подключились к запутанному нагромождению каких-то металлических проводов, шлейфов и шлангов, обнимавших кресло со всех сторон, как жених невесту или смиренная рубашка - пациента. У меня по до сих пор непонятной причине даже не возникло никаких вопросов, когда Эрнесто надвинул мне на лоб огромный блестящий свежеотполированный с перламутровой поверхностью обод, разместив по всему телу бессчётное число электродов на присосках, предварительно обмазав меня чем-то вязким и невысыхающим, по-видимому, для лучшего контакта с датчиками на электродах. Семь из них были самыми крупными и плотно цеплялись вдоль тела, оставляя ощущение резиново пружинящего на позвоночнике и чуточку покалывающего, как электрофорез, механического тентакля из безумных фантазий какого-нибудь креативного японца, особо глубоко пронигшегося в своё время национальным духом ямато и желающего внедрить этот дух во всех остальных жителей планеты Земля посредством всё того же резинового тентакля.

- Не бойся, это стандартный ускоритель энергетических центров человека и его энергоканалов, прозванных индусами над`и, позволяет даже неподготовленным людям испытать подъём энергии кундалини со всеми вытекающими последствиями и открывающимися возможностями. В общем и целом, это давно испытанный и апробированный в лабораторных экспериментах не одну и даже не две тысячи раз сверхнадежный, нужный и важный инструмент настоящего охотника. - с этими произнесёнными им словами Эрнесто потыкал кривобокими пятернями по сенсорному дисплею установок и параметров, выбирая какие-то ему одному лишь известные характеристики и режимы. - Уверен, сидячий полуспящий режим тебе подойдет в самый раз - ты так обожрался своими любимыми

рукощупами, что едва на ногах стоишь, да и сам по себе, вроде, далеко не чемпион-атлет, в конце-то концов. Скорее уж, чемпион котлет, с таким-то отменным аппетитом. - чутьчку прихихотнув, этот новоявленный знакомый надвинул на меня верхнюю половину электродной шапочки, потуже стянув перламутровый обод и забираясь сам точно в такое же кресло напротив, привычными движениями уверенно обустроиваясь и блаженно прикрывая глаза, как опытный йог-солнцеед или греющийся всё на том же солнышке лежебока-кот.

В ушах - звук от наушников, от электродов - покалывания по всему телу и чувство тепла. “Такое чувство, чо я сейчас - брюхоногий моллюск-прудовик, и кто-то щекочет мою пяточку!” - пронеслась у меня в голове, а точнее даже пробормотала где-то в глубинах черепной коробки, не окончательно адекватная мысль, учитывая то состояние, в котором я в тот момент зечем-то пребывал вместо того, чтобы плюнуть на подобные эксперименты и отправиться домой разгрести накопившиеся дела. Куда там! Даже если бы я захотел так поступить, то теперь уже точно не успел бы.

Последовала резкая вспышка. Белый яркий свет, льющийся отовсюду. А после основание копчика словно взорвалось вибрацией в такт расходящегося во все стороны сигнала волн. На какой-то момент у меня столь крепко перехватило дыхание, что в памяти всплыл бутерброд с ядрёной горчицей, а как только он уплыл, беззвучным выстрелом рассыпались переливчатые вспышки окружавшей нас комнаты, раздвинувшейся в каком-то новом, ещё явно малоисследованном и безостановочно меняющемся пространстве, встрявшем клином где-то между других, гораздо более известных пространств, одно из которых видится нам реальным, тогда как другое открывает врата в пучины океана сновидений.

Мощные разряды молний, точно небесные трещины, достигающие горизонта, перекачивались снизу вверх и в обратном направлении - сверху вниз - вдоль позвоночника, рассыпчатыми фейерверками врываясь в молчание внутри головы в моменты пульсаций ритмичного пьезоэкстаза, словно медно-серебряный звон струн, цепляемых изнутри рефлекторно подрагивающим нервным тиком, щекотал волосы, лоб, лицо и такой же сладострастной щекоткой раскатывался из солнечного сплетения, захватывая дух и набирая подъемную волну биений слегка притупляющуюся к кончикам пальцев, создавая тактильное ощущение размешивания пальцами тёплой воды в ковшике, но не угасая у до конца. Вибрации тока на поверку оказались до парадоксального совершенно безболезненными, зато очень радостными и

оптимистичными, хоть и чуточку тошнотворными, да и то исключительно по причине вызываемого этим током волнения вследствие непривычности ощущений, сполна раскатывающихся по всей поверхности кожи.

И вот уж новая волна снисходит, а за ней вослед - всё новая и новая, дабы ещё более возвысить и ещё приподнять этот пик, казалось бы, достигшая предела точка электрического экстаза в теле. Щекотка распускается цветком в бесконечности света неразделимой целостности, колышется полем нежных лепестков от края горизонта и до другого края, но бутоны щекотки вибраций будто не могут распуститься, и поэтому движение их, подобное следу серфера, летящего на гигантской волне ночного неба куда-то в сторону Луны, повторяется и приподнимается в своём бесконечном и никогда не угасающем цикле. По позвоночнику со всё нарастающей частотой продолжают катиться новые шары энергии, взрываясь в своей увеличивающейся скорости, обращённой в блеск единственной ноты, в дребезжание одной струны, разлетаясь ещё мгновение назад невыраженной сингулярностью во вложенные, как луковица, слои полноценных множественных вариаций Вселенных внутри моей головы.

И мой взгляд, уже не привязанный к единственной точке на Земле, а разлившийся всепроникающими потоками безводных рек в каждый закоулок всего существующего, пронизывает живыми лесками светящихся золотистых натяжений каждый камушек, каждую травинку, и каждый даже самый невообразимый ландшафт иных планет или даже иных миров, любое живое существо и неживое вещество, точно они обязаны звону этой мировой ноты своим всеединным существованием, и этой же нотой существования прорываются в свойство быть или казаться самими собой и самовыражаются созданием разновозможных типажей и шаблонов формирования целостных восприятий.

Наступил некий момент, в котором картина вселенского взаимопроникновения донельзя стала прозрачной и ясной: мы с охотником разговаривали внутри какой-то прозрачной сферы, похожей на помесь батискафа с мыльным пузырьём, продавливающим пространство на расстоянии двух метров от поверхности тела чем-то наподобие силового поля или кардинальной разницы энергий, разделяющих пространства внутри и снаружи сферы и не позволяя им смешиваться, как не смешиваются краски на принципиально несовместимых основах в своём составе.

Поверхность деления сферы скользила какими-то смутно вспыхивающим то там, то здесь рисунками, образами и сценами, а

прямо перед глазами, даже не достигая поверхности разделения, но словно бы в какой-то иной плоскости воспроизведения, с потрясающей скоростью проносились взвездные пейзажи за пределами яркости и красы, проходили тысячелетия и развивались циклами расцвета и увядания чудакватые и никому не известные цивилизации необычайных существ, распускались пестрые растения, малость инопланетного облика, превращаясь в меняющие форму и размеры искусные произведения средневековой архитектуры, инкрустированные друзами кристаллов драгоценных камней, то матово светящихся изнутри, то вдруг вспыхивающих ослепительно разноцветным блеском за пределами интенсивности, вписываясь в математически точный центральносимметричный вращающийся орнамент, не останавливающийся ни на секунду в оплавливающих формах меняющих цвета высокодетализированных абстрактных картин.

Вокруг нас с Эрнесто Митровичем расплзались текущие малахитовые змейки и, распластываясь узорами, превращались в изгибы таёжных рек и оперения редких экваториальных птиц, подобных павлинам, но с узорами оперения гораздо более сложными и значительно более прекрасными и многообразными, которые, в свою очередь, превращались в исполинские крылья бабочек, уносящихся, легко порхая в этих пучинах межмирья, как электрические скаты в водах морских, куда-то за пределы зрения.

Паром туманных пылинок, увеличенных в тысячи раз, перемещались прямо в густом геле пространства зеркальные шары, стекляннстым блеском отражавшие собственные округлые бока, образуя овалы зеркальных коридоров, взаимопроникающих в давно забытые воспоминания каждого из нас и являющие увековеченные в каменнометаллической изоляции бронзы и мрамора образы некогда известных человечеству сильных мира сего, а ныне обращённых в лишь в смутное знание о том, что где-то и когда-то каждый из нас их видел, но крепко и надёжно забыл об этом ещё, пожалуй, в череде прошлых воплощений.

Мы на этом калейдоскопе образов крутились в водовороте пространства, наблюдая окружающую шарообразную форму реальности сразу из множества точек. Поддерживаемые одним лишь дыханием ветра чужеродности пространств, от которых ум человеческий, как правило, закрыт плотно и надёжно, мы не уставали поражаться искажённым иллюзиям людей и зверей, метаясь вместе с ними порою даже против собственной воли, оставив где-то с одной стороны громады туманностей раскалённого газа, а с другой - мириады

фрактальных папоротников, отпечатков древнейших рептилий и зеркальных механизмов, трясущих хоботками, как разжиревшие хромированные шмели с окулярами в бронзовой оправе, что рассыпались тут же деревянными лучами, плавщимися в линии телевизионной развёрстки агитплакатов, увиденных из ближайшей канавы изгибами рыбьих шариков глаз, а взрывающиеся фрукты разбрызгивались пятнистыми кляксами, расплзавшимися очертаниями внеземных континентов и ветвистых тварей из теста Роршаха.

Вдруг наш полёт был прерван стеной, на которой был вычерчен тончайший слой графических схем и символов, напоминавших первобытную наскальную живопись и включавших все даже самые невообразимые мелочи, при этом изображая вместо оленей и бизонов что-то не поддающееся точному пониманию и трактовке. Пред стеной нас с Эдельвейсо встретило удивительное существо, чья голова напоминала ясный, как свежескупленный чугунный котелок, и до блеска отполированный белый череп некоего исполинского животного древних времён, а передние конечности его свисали обрывками трепыхающихся, бурлящих в окружающем пространстве и сокращающихся жележных приторно окрашенных шупиков, похожих на продаваемые в продуктовых магазинах и супермаркетах полупрозрачных фруктовых червячков-мармеладок, принимающих любую форму и невообразимо ароматизированных всевозможными пахучими химикатами и окрашенных, наверное, пищевыми красителями. Спасибо, хоть не анилиновыми.

- Этот его образ мы создали сами, а тело его от образа, воспринятого кем-то со стороны, всегда и всенепременно расплывается в воображаемую со стороны форму. Он - несчастная сущность, ведь мы, люди, сковали его формой, выдуманной нами самими, но от этого не становящейся более удобной для бедного жителя данной проекции. То, что удобно и понятно людям, как правило, вовсе не так удобно и понятно сущностям. Справедливо и обратное. - произнес Эрнесто. - Да, теперь ты видишь действительно бесконечный источник для сбора рукощупов - видишь, как они кипят вокруг нас? Ибо подобен их носитель маленькой тростинке, пропускающей через мыслеформу самого себя по капле целое море, кажущееся нам мармеладом, но исконно чужеродным по действительной сути своей, питающей живущие здесь существа. Мы же, если тебе так угодно, просто материализуем их мармелад силой собственного восприятия, но он нужен им и сам, как крахмал - картофелю или сало - поросёнку.

В этот момент картинка древнего создания отделилась от стены,

чуть-чуть отделившись от неё на некоторое расстояние, и перед нами появилась её уже полностью трёхмерная проекция, тогда как ранее трёхмерными были лишь воспринятые нами мармеладные рукощупы этой проекции. Существо пропускало через меняющиеся корешки своих конечностей тот самый щекотный ток таким образом, что сверху сквозь полупрозрачную костяную лысину носителя рукощупов обозначилась этерна точной геометрии объёмных примитивов, в глубине бултыхания которых разместился город под куполом из идеально точно выверенного алмазного стекла, под которым рвалось на свободу пространство вечных вопросов и проблем человечества, а приоткрывающиеся клапаны вобрали в эти полеты во всех направлениях недостижимых мыслей, открывшихся неуправляемой, но безмерно великой силе.

Это была сила жизни, направленно развёрстываемая за гранями шор наших взглядов и мнений, центростремительно притягиваясь к состояниям, определённым единым, неразрывным и всеопределяющим ходом самого существования, надевая маски природных явлений, жизней существ во всех слоях проекций, волн времени и уровней пространств, облачаясь и в плащ круговерти человеческих цивилизаций, существовавших в различные времена, начиная от самых древних, радостно достигших наивысших форм проявления себя в меру счастливыми человеческими жизнями, нанизанным на самоорганизующиеся, самоподдерживающиеся и саморазрушающиеся структуры сквозь столетия событий, свершений и преобразований.

Незаметно подкрались тени. Они кружили вокруг улыбающегося, похожего на череп с щупальцами существа, они целенаправленно провоцировали его на защиту и раздражение. Ветер вокруг меня и Эрнесто Эдельвейсо усиливался, переплетаясь с лёгкими сеточками теней. А их взаимосвязи разрывали источник рукощупов, голограммой проецирующийся перед нами, лишь через мгновение соединяя его вновь, чем порождали новые реальности, новые судьбы и никому неизвестные пространства, высвечиваемые из вьющихся завитков наскальной живописи и открывающие, возможно, доселе нереализованные и даже неосознанные возможности случайного сочетания порождающих всё вокруг, но столь урезанно ограниченных локальных свойств.

- Теперь ты понимаешь зато, почему эти рукощупы в мармеладе столько стоят в том ресторанчике, попробуй-ка ты их добудь. Треклятые браконьеры, являющиеся сюда в виде теней люди, поймали бедную наскальную сущность и доят её теперь, рукощупы ей ради наживы обрубают в угоду избалованным гурманам, как быстро отрастающий

бамбук. - прокричал мне сквозь шторм и шквал теневой бури Эрнесто. - Ты наконец-то осознал почему добыча рукощупов невероятно и даже неминуемо опасна? Они ведь протянуты сквозь гиперпространство, а при поедании их, мармеладные рукощупы саморазрушением взаимосвязанно и закономерно разрушают и застоявшиеся законы с порядками существования, они смешивают возможности плоскостей, в которых парят просторы широких душ нараспашку, живущих во всех этих всепроникающих щупиках, которые, в конечном итоге, будут столь бесцеремонно и глупо съедены средними обывателями, не имеющими ни малейшего представления, что поглощают вовнутрь своих желудков целые параллельные вселенные, как ещё совсем недавно не имел подобного представления и ты сам.

Но обратной стороной употребления подобного пикантного блюда становится установление связи друг с другом сквозь канал поглощенных и разрезанных рукощупов, пытающихся собственное существование донести хотя бы в изменённой форме до каждого из любителей рестораноно покушать странную иноземную бяку, а ведь они никак не могут догадываться, что дух их отныне изъеден энергией рукощупов, как маслёнок - червяками, а оттого необратимо искажён до неузнаваемости! Ты только посмотри на весь этот ресторанный контингент - в кого они только превратились? А ведь были нормальные люди, пока не ели эти поусторонние щупальца. Мы вот никак не можем допустить продолжения всего этого, понимаешь!

Огонь, пожаром моментально распространившийся сразу во все стороны от Эрнесто, гудел вихрями плазматических протуберанцев пронзительно и всепоглощающе, словно пятна всплесков на жидкой газовой поверхности раздувающегося красного гиганта, проглатывающего свои планеты. Меня тотчас же выбросило наружу, в ту самую комнату с чакральными ускорителями, откуда и начинался наш с Эрнесто путь в неизведанное. Мне лишь слегка опалило поверхность волосков на тыльной стороне ладоней, а охотник, потративший, по-видимому, слишком много энергии, бессознательно подрагивал, ещё пребывая, по-видимому, в пространстве добычи рукощупов.

Я встал, привёл свой внешний вид в порядок и осторожно, почти на цыпочках вышел из подвала, хотя в данном случае во всех этих мерах предосторожности не было особого смысла - охотник, будучи здесь, всё же не переставал находиться где-то очень далеко от окружавшей меня точки повседневного существования. Впрочем, свою роль я выполнил - проекция тем стабильнее, чем больше человек её наблюдают под

одинаковым ракурсом способа восприятия. Эрнесто Эдельвейсо нужен был свидетель происходящего, чтобы он имел достаточно дисциплины и воли, чтобы справиться с браконьерами.

Трудно судить, какая ещё была у меня роль во всём этом, но могу предположить, что без стороннего наблюдателя мир рукощупов был бы подобием расплывчатой тени с переходными законами и возможностями - в нём бы всё плыло и ничего не было бы определено, как у браконьеров, намеренно сохраняющих собственную расплывчатость дереализации по имя кажущейся им призрачной недостижимости. Но и они вмиг сгорели в турбинной тяге огня Эрнесто.

Что же до его дальнейшей судьбы, то мне искренне хотелось бы надеяться на то, что он, будучи опытным охотником, выберется из сложившегося положения самостоятельно: я не знал, как ему здесь можно помочь, вернуться и продолжать действовать после такого резкого выброса в повседневную реальность, а трогать хитромудрые приборы его лаборатории и вовсе могло оказаться опасным, прежде всего, для самого Эдельвейсо.

Когда я, спустя пару месяцев, решил прогуляться до пресловутого ресторанчика, прославившегося удивительным блюдом “рукощупы в мармеладе”, то вход в заведение оказался закрыт на замок, по-видимому, по причине банкротства. Хотелось бы мне надеяться, что ресторан этот разорился раз и навсегда. Среди всё той же золотой молодежи, казалось, никто и ничего уже не помнил про рукощупы, и даже не старался вспомнить, что всего ничего назад во времени, совсем-совсем недавно, они почти все до обалдения уплетали за обе щеки блюдо из рукощупов, разве что не давясь. Подозрительно, конечно, но что уж тут поделаешь! Кумиры, в особенности ложные по сути своей, уходят с мирового подиума столь же быстро, как и начинают маячить на горизонте проблесковым светилом для любителей всего нового, интересного и необычайного.

Я стоял под холодным и нудным серым сентябрьским дождем, льющемся прямо из грязно-ватных туч, которые, казалось, вот-вот коснутся макушки моей головы. Возле здания некогда знаменитого ресторана, всегда собиравшего толпы народа, и куда доселе собирались целые стада любителей пообсуждать тайный рецепт, смакуя приготовленное по нему блюдо, теперь же не было ни души, и только ветер гулял сквозь выбитые стекла потускневших и облезших, будто бы обрюзгших стен в тонкой паутинке трещин. Лестница у входа была вся залита льдистой дождевой влагой, и она же тяжёлыми блёстками капель протекала через изъеденный ржавчиной навес над входом, оседая

освежающей осенне-листопадной лужицей в моих руках, сложенных задумчивой чашечкой.

Вот ведь что парадоксально: казалось, что здание бывшего ресторана давным-давно заброшено, несмотря на совсем недолгий срок, прошедший после его действительного закрытия. Дверь, помимо висящего на нём гротескно громоздкого амбарного замка, была также зачем-то заколочена уже успевшими прогнить от времени досками, а торчащие из-под этих досок гвозди покрылись таким толстым слоем ржавчины, мокрой и потому кроваво-яркой от осеннего дождя, будто топорщились здесь кружочками шляпок, активно окисляясь, уже далеко не первый и даже не десятый год.

А на стильных и гладких, как кухонная плитка, выложенных в особом ритме узора облицовочных кирпичях, выступавших из-под разваливающейся и расползающейся в разные стороны штукатурки, местные неряшливые быдлопарии, морально опущенные, похоже, ещё с рождения, как, впрочем, и все прочие представители подобного дворового контингента распальцованной шпаны в трениках и хронически идиотической босоты, выцарапали, по-видимому, совершенно не трезвея ни на минуту, несколько коротких слов весьма крепкого эмоционального содержания, не поддающихся не то, что двусмысленной трактовке, но и какой бы то ни было осмысленной трактовке вообще. Некоторые фразы при наличии у человека мозга пониманию не поддаются.

Когда я вступил на одну из ступенек лестницы центрального входа закрытого ресторанчика, раздался дичайшей громкости скрип - и в то же мгновение нога полетела в проем, образованный расколовшийся под тяжестью моего веса доски, провалившись, правда, не столь уж глубоко - всего-то по щиколотку. Сказать вам, что я немало удивился - это значит не сказать ничего. Всё оказывалось ещё более поразительным и ещё более подозрительным, учитывая, что раньше эта лестница была сделана, вроде бы, из розового мрамора, отполированного до гладкости катка в ледовом дворце и имеющего внушительной внушительную толщину, равно как и цену. К тому же лестница ранее была инкрустирована вставками ювелирно обработанного горного хрусталя, отсвечивающего цельными кристаллами, под которыми в лестницу были вставлены лампы неоновых гирлянд, привлекательно, хоть и по-рекламному, перекатывавшихся огоньками в ночное время суток и заставляя всех любителей рукощупов мотыльками слетаться к парадному входу в ресторан. Теперь же крылечко заведения являло каждому прохожему лишь сплошь тухлявую рухлядь

полуразвалившихся и проваливающихся при малейшем касании досок.

Вдоль по мостовой раздался необычного свойства цокот. Он испугал меня, учитывая, что в своей двухмесячной добровольной изоляции, дабы чуть отправиться от шока, вызванного недавними событиями борьбы с тенями-браконьерами посредством ослепительного свечения Эрнесто, я выработал в себе некоторую степень социофобии, поскольку не слышал ничего, громче шума, создаваемого душем во время приема ванны, или же громче шелеста ветерка кулеров системного блока компьютера, стоявшего в моей спальне. Тем временем, подле меня остановилась роскошная карета, как будто прибывшая века этак из восемнадцатого - не в меру роскошных аристократических времен екатерининского просвещенного абсолютизма. Двигалась карета, подобно автомобилю, самоходно и без животных в упряжке, зато на крыше имела пластины солнечных батарей и небольшой, оснащённый пластиковыми крупными лопастями, ветрячок.

Дверь автомобильной кареты распахнулась, и я не смог уже сдержать своего изумления, воскликнув от неожиданности: “Эрнесто, астральный охотник на браконьеров, ты ли это? Я полагал ведь, что ты погиб, хоть и надеялся на лучшее!”

- Возможно. - человек с туманно-задумчивым выражением лица сделал неопределённый жест рукой, одновременно приглашая меня в карету. - Но, - продолжил Эрнесто Митрович. - это была другая часть меня, та часть, с которой ты знаком. Та часть, что действительно погибла на охоте, сгорев в собственном пламени, выброс которого был слишком велик, чтобы суметь выжить. Видишь ли, каждый из людей во всех смещённых проекциях не знает каждого себя из любой другой проекции. А я не человек. Я просто един во всех мирах, поэтому знаю, помню и вижу, что делает каждая из моих копий в каждом из имеющихся проявлений единственной Реальности.

Море не перестаёт быть морем, даже если вычерпать из него цистерну воды, пустыня не убудет с пары-тройки сотен тонн песка, галактика не погибнет, если погаснет даже тысяча звезд. Я же останусь жив, если погибну в одном из пластов мармелада того самого существа с рукошупами. Я тогда, два месяца назад сказал тебе далеко не всю правду - да всю ты в то время ещё и не готов был принять: это существо не только проецируется в те или иные пласты действительности, обретая различную форму, в зависимости от выбранного пласта, но и само порождает эти самые проекции, в которых отражается впоследствии, так что невозможно со всей определённостью утверждать, что здесь чем порождается и что является причиной, а что - следствием: облик

существа или облик проекции, в которой это существо размещается.

Если быть более точным, то всё их различие кроется исключительно в обустройстве человеческого рассудка, привычного проводить подобные разделения. Правда здесь гораздо проще - отражение существа является одновременно отражением проекции, как кажутся на первый взгляд различными для нас, но на деле оказываются неразрывно взаимосвязанными явления температуры и скорости или частоты колебаний и цвета. Ты тоже умирал, ведь ты - один из тех очень немногих людей, кто принял чуждую среду как родную с первого же раза. Ты тоже погиб, только не осознаёшь этого. Погиб житель той, былой твоей родной реальности, отправившись туда, где мы сейчас и находимся. Да, ты заменил его здесь.

- Так где же мы? - задал я тогда законный и закономерный вопрос, который, казалось бы, уже сам с собой давно витал в воздухе с тех пор, как обнаружили различия во внешнем убранстве здания бывшего рестораника.

- Мы в одной из личин мироздания. В твоём старом мире, как я уже объяснил, ты погиб, но, в отличие от других людей, сумел сохранить память о том, где существовал раньше, поскольку перешёл транзитом осознания через проекцию рукощупов. И в этом качестве ты оказался случайным образом подобен мне. Другие люди отличаются лишь тем, что ничего не помнят о своих смертях, на самом деле погибая тем или иным образом постоянно - каждый день и чуть ли не каждый час.

Существуя одновременно во всех проекциях, человек во время актов своего постоянного умирания переносит осознание из мира в мир - и выбранный случайным образом новый его дом, новый слой действительности полностью переписывает память человека так, что сохраняется ложное ощущение целостности и непрерывности хода жизни. На деле же каждый в течение всей своей жизни умирает десятки тысяч раз до тех пор, пока не заканчиваются копии самого себя, пока не остаётся более пластов существования, куда бы ещё могло переместиться человеческое самосознание. И тогда, только тогда человек умирает уже окончательно. - так мне ответил охотник Эрнесто Митрович. - Поэтому ты не выживешь, если попробуешь отыскать путь назад, ведь его нет. Если точнее, то тебе просто невозможно попасть в свой старый мир в силу того, что в нём больше нет твоего осознания, хоть ты феноменально и сумел запомнить, что жил где-то ещё. Но это "где-то ещё" для тебя сейчас - не более, чем просто мираж, сон, забвение.

Ты, само собой разумеется, можешь попробовать открыть дверь в

великое сияние, откуда черпает ресурсы непостижимый Конструктор, которым столь бестолково питались в месте, откуда ты пришёл. Переживешь ли ты такое столкновение, нарушающее сам ход и логику человеческой жизни, повторно? Точно тебе не ответит на этот вопрос никто, пока ты сам не испытаешь подобное.

Но, учитывая твой предыдущий опыт встречи Конструктора, у которого ресторанные тени обрубили рукощупы, на деле обрубая собственные миры жизненного отхода, и, съедая рукощупы, сами оказывались съеденными ими, вполне возможно, что подобное столкновение повторно ты пережить уже не сможешь, и, увы, тебя тогда некому будет защитить или заменить - на изнанке слоёв, представ у самих истоков, ты увидишь несущественность любого из выбранных путей, чем обретёшь свои единство и целостность, поэтому погибнув у истоков ты погибнешь также целостно, ведь у тебя не останется больше ни одной теневой проекции для отхода, где бы ты смог отобразиться полноценно на случай собственной гибели и продолжить своё дальнейшее существование в полнейшем забвении, как и делают все подряд вокруг.

- Скажи честно, Эрнесто, а зачем я должен был вообще присутствовать там с тобой в тот злополучный вечер охоты на тени, ведь ты там, в мирах, всё делал самостоятельно, не спрашивая меня и не прося ни о какой помощи, да и чем я там был способен тебе помочь? - задал я очередной вопрос охотнику.

- Ошибаешься. - ответил мне тот. - Это было только твоё личное смещение, ты его создал совместно со мной, чтобы достичь теневых охотников, поэтому мы оказались способны достать их и ввергнуть в пучину бесконечных путешествий по иным проекциям и коридорам. Я просто передал им огненную силу, создав столь мощный толчок смещения всего воспринимаемого, что они, эти тени, сейчас находятся в местах, которые не способно себе представить даже самое большое воображение. И уж тем более они далеки от любого из миров, в которых имели бы возможность возродить сознание в случае собственного выгорания перед лицом Конструктора - ни один из их новых миров не похож на человеческий.

Но я не смог бы к нему пробраться без тебя, ведь ты - ключ, а мне и нужен был свидетель собственного мира, тот, чей талант устремленности к интеллекту и духу близок по своей конструкции к искателям рукощупов, чьим выбором во время перемещения было бы достичь естественным образом наиболее близкого трамплина для прыжка в позицию, откуда существо с рукощупами было бы заметно

наиболее ясно и чётко. Дело было не в столько и не только в чёткости видения того слоя, сколько в выборе правильного места. И, думаю, что здесь тот я, которого больше нет вовсе не ошибся в том тебе, которого также больше нет.

Однако же ты не был полностью тождественным тем охотникам-браконьерам, оттого видел их лишь бестелесными тенями. Но это ведь не помешало нам их поймать и, уже в свою очередь, помешать им, не правда ли, друг мой? - Эрнесто Эдельвейсо товарищески похлопал меня рукой по плечу. И мы продолжили свой путь всегда отныне новом, неизведанном и неизвестном для меня направлении и, как оказалось, даже в новой проекции.

*Белоусов Роман,
10 февраля 2013 года*